

A photograph of a man in a grey police uniform and cap, smiling, standing next to an elderly woman with grey hair, also smiling. They are outdoors in a city street setting. The title 'Котикин дом' is written in a pink, cursive font across the top right of the image.

Котикин
дом

Марина Орлова

Марина Орлова

Кошкин дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66334376

SelfPub; 2024

Аннотация

В пансионате Томазины проживают милые леди, обожающие внимание мужественных констеблей из отделения неподалёку. Марта Харрис, одна из старейших обитательниц пансионата, считает себя местной покровительницей влюблённых. Однако новенькая, мисс Фрэмpton, кажется, не заинтересована в романтических отношениях. Или она просто слишком скромная? Миссис Харрис решает взять дело в свои руки.

Марина Орлова

Кошкин дом

Персонажи и их отношения:

миссис Марта Харрис (главная героиня) – Стивенс (начальник отделения)

миссис Агата Спунер (дама во всех отношениях фривольная) – Вулнер и Хант

* Харрис и Спунер – старейшие обитательницы пансионата (в смысле, живут тут уже давно, а не самые старые), из-за чего немного «спорят за власть»

мисс Элизабет (Лизетта) Фрэмpton (поклонница Лейбница) – одинока

мисс Одетта Филпот (полагает, что «филистер» – это комплимент) – Коллинсон

мисс Гриффит-Джонс (дама строгих взглядов) – Тёрнер

миссис Триклбэнк (кулинарка) – одинока

миссис Ален-Бакли и мисс Марш – персонажи без слов

Некоторые зануды называли Марту Харрис досужей сплетницей. Она предпочитала думать о себе как о собирательнице полезных сведений.

Миссис Харрис неизменно была в курсе – кто в округе вкуснее всех готовит йоркширский пудинг (конечно, миссис Триклбэнк), у кого под подушкой лежит затёртый томик Маркса (у Агаты Спунер, само собой) и почему мисс Гриффит-Джонс столь рьяно придерживается поста (из-за язвы она и вне поста мало что ест).

Безусловно, миссис Харрис всегда была осведомлена, у кого из соседок лежит на сердце бубновый или трефовый король – в её глазах это была самая ценная информация. Харрис видела себя покровительницей влюблённых и прикладывала много усилий, чтобы устраивать счастливые единения сердец в пансионате Томазины.

Однако с новенькой, мисс Фрэмpton, возникли затруднения. Миссис Харрис дала ей время обвыкнуться в их доме, познакомиться с соседями и патрульными... и всё застопорилось! Обычно дамы легко находили себе «милого друга» и так же легко сообщали об этом всем «по секрету». Но мисс Фрэмpton молчала – и за завтраком, и за обедом, и даже за пятичасовым чаем.

Сегодня утром миссис Харрис твёрдо решила положить конец этой неопределённости. Весь завтрак она сверлила мисс Фрэмpton пристальным взглядом, мысленно набрасывая план действий. К полудню план был полностью готов.

В этот день обед в пансионате выдался многолюдным. Миссис Алэн-Бакли вернулась от родных, мисс Марш наконец-то выздоровела, и за столом собрались все обитательни-

цы – восемь человек. Миссис Спунер всё причитала, что бергамота к чаю на всех не хватит, так что миссис Харрис пришлось пообещать отдать ей свою порцию.

– Ох, милочка, спасибо! Это так щедро с вашей стороны! – ещё более сладко, чем обычно, пропела миссис Спунер.

– Всё – на благо других! Вот о чём мы должны думать неустанно, – миссис Харрис чинно склонила голову.

– Конечно, конечно! И именно вы думаете о других больше всех! – миссис Спунер улыбнулась так широко, что её фарфоровые зубы сверкнули в свете лампы, висящей над столом.

Харрис несколько раздражённо улыбнулась в ответ, но тут её внимание привлекла несравнимо более важная проблема.

– А где господин Стивенс? Он обещался быть к обеду.

И снова миссис Спунер подала свой тоненький голосок откуда-то сбоку:

– Может быть, констебль несколько утомился нашим скромным обществом? Ведь он обедает у нас каждый божий день! Недолго и заскучать!

Миссис Харрис нахмурилась в направлении Агаты Спунер и строго промолвила:

– Мы обязаны подождать господина Стивенса. Домашний обед лучше всего прочего выражает ту признательность, которую мы испытываем по отношению к нашим доблестным защитникам порядка.

– Днём, – многозначительно добавила неутомонная Агата.

– Что вы хотите этим сказать? – Харрис раздражённо повернулась к ней.

Дамы за столом все как одна уставились в стоящие перед ними пустые тарелки.

– О, ничего, совсем ничего, – масляно улыбнулась Спунер. – Днём уместнее всего накормить нашего героического констебля обедом. Но ночью ведь обеда нет?

– Не понимаю, что за глупости вы сегодня говорите, милая Агата, – в слова «милая Агата» миссис Харрис вложила все свои чувства. – Вам стоит сходить к доктору Смиту – уж не заразились ли вы горячкой от мисс Марш?

В ту же самую секунду раздался звонок в дверь, вызвавший переполох и всеобщее волнение. Отовсюду летели фразы: «Ах, это он!», «Откройте, скорее же!», «Подогрейте жаркое!» и прочие, обычно сопровождающие появление дорогого гостя.

Констебль Стивенс отличался плотным телосложением и роскошной тёмной шевелюрой. Аккуратно протиснувшись мимо цветочных горшков, украшающих прихожую, он немедленно повёл носом и произнёс:

– Чудесный денёк! И, никак, у вас на обед жаркое? Надеюсь, готовила миссис Триклбэнк?

Дамы расступились, являя взору констебля заслуженную кулинару пансионата, которая зарделась и присела в книксене.

– Да, господин констебль.

– Ох, ваше жаркое – это нечто! Да, это нечто! Расскажу потом ребятам – все будут завидовать!

Миссис Харрис, пользуясь удачным поворотом беседы, тут же ввернула:

– Господин Стивенс, а вы бы, может, завтра пригласили с собой ещё кого-нибудь? Мы всегда рады видеть в этом доме наших доблестных стражей порядка, правда, дамы?

Все жительницы пансионата согласно кивнули, а миссис Триклбэнк выдала томное «Ах!», вызвавшее недоуменные взгляды.

Покряхтев, констебль отряхнул ноги, прошёл на кухню и уселся на почётное место во главе стола. Дамы заняли свои места вокруг. Миссис Харрис сегодня специально села напротив мисс Фрэмpton.

– Так что, господин Стивенс? Как насчёт гостей? – миссис Харрис не собиралась отступить от своего плана так легко.

Стивенс пожевал губами, разглядывая на свет зубцы вилки.

– Неужто, дорогая миссис Харрис, вам не хватает одного меня? Смотрите, как бы я не начал ревновать! – и констебль настороженно хохотнул.

Миссис Спунер фыркнула в пухлый кулачок, изображая кашель. Марта на мгновение потупилась.

– Нет, как вы могли подумать такое, господин Стивенс! Я просто хотела сказать, что, может быть, кто-то ещё составит компанию нам, одиноким дамам... Например, господин Вул-

нер... Или господин Моррис... – произнесла Харрис, пристально наблюдая за выражением лица мисс Фрэмpton.

– От компании констебля Вулнера я бы не отказалась, – протянула Спунер, загадочно улыбаясь себе под нос. – Хотя иногда он ведёт себя совершенно неподобающе для общества благовоспитанных дам.

Стивенс тщательно прожевал свою порцию жаркого и, протянув тарелку за добавкой, солидно изрёк:

– Да, пожалуй, это можно. Морриса я отправил в соседний квартал охранять раздатчик мотилена, а Вулнера можно позвать.

– Или господина Тёрнера, – продолжила миссис Харрис, не отрывая глаз от мисс Фрэмpton.

– Можно и Тёрнера. Спасибо, миссис Триклбэнк, – и по-мрачневший констебль вновь уткнулся в свою тарелку.

К глубокому разочарованию миссис Харрис, за время обеда перебравшей фамилии доброго десятка констеблей, ни один мускул в лице мисс Фрэмpton не дрогнул ни при упоминании Морриса, ни Тёрнера, ни Коллинса, ни даже красавца Гейнсборо, чей безукоризненно выглаженный мундир не давал покоя многим дамам. Марта не знала, что и думать. Однако вдова генерала Харриса была не из тех, кто легко сдаётся. Поэтому вечером, когда все остальные жительницы пансионата отправились на прогулку в парк, миссис Харрис, пробормотав себе под нос: «Сейчас время дерзать и выстоять», тихонько открыла дверь в комнату мисс Фрэмpton.

Как много книг! Марта взяла это на заметку. И, однако, среди всех этих стопок не оказалось явных подсказок, на которые она надеялась. Ни справочника «Знай своего констебля в лицо» с загнутым уголком страницы, ни номера журнала «Модница», привычным образом распахивающегося на портрете одного из списка «Мы бы хотели, чтобы они нас спасли». Ничего! Не ожидая многого, Харрис приподняла несколько книг из последней стопки и вдруг заметила уголок листа, торчащий из томика Лейбница. Достав лист бумаги, миссис Харрис довольно улыбнулась. Это был изящный рисунок пером – набросок лица, в котором словно бы угадывались черты констебля Эдмунда Рейнольдса. Догадку подтверждала ажурная литера «Р», выведенная в углу.

«Ага!» – многозначительно сказала сама себе миссис Харрис, аккуратно положила рисунок на место и вышла из комнаты.

Назавтра Стивенс, как и обещал, привёл на обед своих подчинённых – Тёрнера и Вулнера.

Тёрнер занял место справа от начальника и внимательно уставил на него водянисто-серые глаза, время от времени, однако, бросая короткие взгляды на мисс Гриффит-Джонс, чинно сидящую напротив.

Вулнер в своей обычной манере обрушился на жалобно

застонавший стул справа от Тёрнера и принялся через весь стол подмигивать Агате Спунер. Та закатывала глаза, то и дело поправляла шейный платок и жаловалась на духоту. В конце концов сразу после рагу Вулнер предложил проводить её в сад, чтобы подышать воздухом, миссис Спунер согласилась, и они удалились, не дожидаясь десерта.

Марта Харрис, сегодня вновь занявшая место напротив мисс Фрэмpton, была только рада этой прогулке. Отложив приборы и промокнув губы салфеткой, она обратилась к констеблю во главе стола:

– Господин Стивенс, голубчик! А почему бы нам не устроить игру в карты как-нибудь вечером? Думаю, всем нашим леди это будет интересно?

Обитательницы пансионата оживились и закивали, и только мисс Гриффит-Джонс поджала губы.

Главный констебль широко улыбнулся.

– Миссис Харрис, а вы прямо выдумщица! Какая хорошая идея! Правда, Тёрнер? – Стивенс ткнул своего соседа локтем. – Отличная идея?

Тёрнер согласно склонил голову, но на всякий случай всё-таки бросил взгляд на мисс Гриффит-Джонс. Та чуть пожала плечами.

На лице миссис Харрис мелькнула тень довольной улыбки.

– Замечательно! Может быть, в пятницу вечером?

Все согласились, что в пятницу будет замечательно, и мис-

сис Триклбэнк подала десерт.

– Вы знаете, – снова подала голос миссис Харрис, – я тут подумала – может быть, пригласить на игру господина Рейнольдса?

От зоркого глаза Марты Харрис не укрылось, что мисс Фрэмpton слегка вздрогнула. Харрис продолжила:

– Он производит впечатление спокойного и порядочного человека. Для игры в карты в обществе благородных дам такой характер весьма уместен.

Стивенс нахмурил лоб.

– Рейнольдс? Мда... Отчего бы и нет? Как вы полагаете, Тёрнер? Возьмём Рейнольдса в компанию?

Тёрнер сосредоточенно кивнул.

– Да, сэръ. Рейнольдс не был замечен ни в каких вольнодумиях или иных неуместных для дамского общества... кунштюках.

Миссис Харрис оживилась.

– О, господин Тёрнер, вы знаете немецкий?

Все взгляды обратились к Тёрнеру. Он кашлянул. Пауза затягивалась. Лицо мисс Гриффит-Джонс словно окаменело. Тёрнер несколько затравленно огляделся и снова кашлянул.

– Ох, что это я! – спохватилась миссис Харрис и наполнила его стакан. – Болтаю о всяких глупостях!

Тёрнер благодарно принял стакан из её рук и сразу же уткнулся в него с сосредоточенным видом. Миссис Харрис продолжила, вдохновенно взмахнув пальцами:

– Я, собственно, к тому, что немцы – весьма интересные люди. Конечно, мы с ними воевали, но теперь это позади, так что не будем держать зла. Вот, например, есть такой известный автор Лейбниц...

Мисс Фрэмpton впервые за вечер подала голос:

– Вы читали Лейбница?!

Мисс Гриффит-Джонс пробормотала себе под нос нечто, подозрительно похожее на «богохульник», но миссис Харрис, проигнорировав эту реплику, придала своему лицу задумчивое выражение и произнесла:

– Нда... Да! Я читала несколько лет назад. Конечно, сейчас моя память не та, что прежде... Но идеи господина Лейбница мне очень близки...

Мисс Фрэмpton оживилась и даже слегка наклонилась в её сторону.

– И что же понравилось вам больше всего?

Миссис Харрис наморщила лоб.

– Ну... Вот, помню... Его идея о романтической близости...

Она выжидающе глянула на мисс Фрэмpton. Та воззрилась на неё с недоумением.

– Какая?.. О близости?.. Быть может, о гармонии?

– Ох, да-да, конечно, о гармонии! Это очень мне близко! Гармония душ!

Мисс Фрэмpton слегка улыбнулась.

– Да, и мне эта мысль близка! Только представьте – всё в

нашем мире соединено в мировой гармонии! Всё сочетается, одно подходит к другому...

Миссис Харрис тут же ухватилась за удачно подвернувшуюся мысль:

– А что может быть более гармоничным, чем любовь мужчины и женщины!

Мисс Фрэмpton и мисс Гриффит-Джонс покраснели, все прочие дамы за столом томно вздохнули в унисон, Тёрнер кашлянул в стакан с водой, и только Стивенс никак не отреагировал, увлечённый пирожком с мясом.

Миссис Харрис продолжила с чувством:

– О да! Я ни капли не сомневаюсь, что господин Лейбниц держал в уме именно этот образец возвышенной гармонии, когда писал свой труд! Да ведь вспомним хотя бы его горячую любовь к своей жене!..

Мисс Фрэмpton пробормотала:

– Кхм... Но ведь, кажется, господин Лейбниц не был женат?..

Миссис Харрис улыбнулась ей снисходительно.

– О, я говорю о его жене перед богом, а не перед людьми. Все мы помним эту восхитительную историю! Так романтично!

Дамы за столом умильно закивали. Мисс Фрэмpton обвела их растерянным взглядом.

Миссис Харрис, закрепляя достигнутый успех, живо повернулась к Стивенсу.

– А скажите, господин Стивенс, у господина Рейнольдса есть жена? Может быть, неуместно звать его в женское общество?

Констебль степенно дожеввал пирожок и проговорил:

– Насколько мне известно, никак нет. Да и откуда у такого скромняги жена! – он хохотнул.

«Просто замечательно» – пробормотала себе под нос миссис Харрис и продолжила громче:

– Тогда пригласите его, пожалуйста, к нам на игру! Обещайте, что непременно пригласите!

Мисс Фрэмpton бросила на Стивенса взгляд, полный надежды. Тот кивнул.

– Конечно, конечно. Чем больше народу, тем веселее. Ну, только в дамском обществе, конечно! Когда, допустим, много преступников – это совершенно не то, – он, было, сурово нахмурил брови, но тут же повеселел снова. – А теперь – чай!

В четверг Элизабет Фрэмpton наконец-то отправилась за покупками. Миссис Харрис ненавязчиво последовала за ней, надеясь на счастливый случай. В начале – на почту, затем – в книжный магазин, после этого – в бакалейную лавку господина Спенсера... Марта уже совсем было упала духом, как – о, чудо! – мисс Фрэмpton наконец-то зашла в большой магазин дамской галантереи. Миссис Харрис выждала пять ми-

нут, открыла высокую зеркальную дверь вслед за ней, зашла и огляделась внутри.

– О, Лизетта! Милочка, и вы здесь! Что за чудесное совпадение!

Она чмокнула мисс Фрэмpton в щёку и оживлённо продолжила:

– Вы ни за что не поверите! Я зашла за новой коллекцией белья! Я знаю, некоторые дамы осуждают моё кокетство, но я считаю, что леди должна быть гармонична во всём, даже в белье. Мировая гармония – такая важная вещь, здесь не может быть мелочей! Что Вы думаете об этом?

Мисс Фрэмpton удивлённо хлопнула глазами, но всё же кивнула.

– Ох, вы должны взглянуть на неё вместе со мной! Новая коллекция – просто шик! – миссис Харрис понизила голос. – Говорят, сама принцесса уже её носит!

Не давая мисс Фрэмpton опомниться, Марта подхватила её под руку и увлекла вглубь магазина – в таинственный отдел, на двери которого табличка строго гласила: «Исключительно для дам».

Продавщица заулыбалась знакомым посетительницам и привычно взмахнула рукой в сторону полка с подписью «Добродетельные модели».

– Нет-нет, душенька, никаких ромашек и колокольчиков! Нам – вот сюда! – миссис Харрис указала на вывеску «Интригующие модели». – Покажите нам самое новое и краси-

вое! Такое, чтобы любой мужчина ахнул!

Мисс Фрэмpton попыталась возразить, но миссис Харрис крепко взяла её под руку.

– Нет, милая, вы только взгляните! Посмотрите, какие кружева! И розовая лента на поясе! Разве не прелесть? Вам обязательно нужно это примерить! Как раз ваш размер!

И миссис Харрис, вцепившись одной рукой в Элизабет Фрэмpton, а другой – в ворох белья, прямым курсом потянула свой груз в сторону примерочных.

Через полчаса они вышли из магазина с десятком пакетов. Миссис Харрис заливалась соловьём:

– Ох, милочка, я так рада, что мы встретились! Этот персиковый комплект вам так идёт! Я просто даже завидую! Если бы вы только захотели, вы могли бы осчастливить любого мужчину!

Мисс Фрэмpton была пунцовая и растрёпанная словно пион с клумбы за пансионатом. Робко улыбнувшись, она пробормотала:

– Вы правда так думаете? Мне кажется, я уже не в том возрасте...

Тембр голоса Марты Харрис от возмущения рухнул в глубокий альт:

– Ну что вы, душенька! Вам ещё жить и жить! Да все наши дамы имеют друзей, – продолжила она обычным голосом. – Все! Мисс Филпот регулярно пьёт чай с господином Коллинсоном, мисс Гриффит-Джонс каждое воскресенье ходит

с господином Тёрнером в церковь... А у миссис Спунер даже два кавалера: господин Хант и господин Вулнер, хотя, право, не понимаю, что они в ней нашли.

Мисс Фрэмpton замялась.

– Так вы думаете, другие дамы меня не осудят?

Марта закатила глаза.

– Ах, милочка! Вот что я вам скажу: в нашем возрасте уже пора меньше думать о том, что скажут другие! Всё это глупости, чистые глупости! Может быть, уже скоро нам откроется небесное блаженство, так почему бы не попробовать кусочек здесь и сейчас?

Дома Элизабет нерешительно пригласила миссис Харрис подняться в свою комнату.

– Вы знаете, я хотела бы показать вам свои рисунки... У вас такая понимающая душа... Быть может, вы сумеете их оценить...

Марта Харрис не умела отличить фламандского натюр-морта от итальянского пейзажа, но кивнула с готовностью. И, право, если уж она могла поддерживать с господином Стивенсом беседу о различных сортах мяса, так почему бы ей не судить о живописи?

К ужину миссис Харрис и мисс Фрэмpton спустились вместе, болтая о белилах и охре словно заправские подружки.

Как обычно, после ужина обитательницы пансионата расположились вокруг камина и принялись за вышивку.

– Вы уже видели свежую подборку «Мы бы хотели, чтобы они нас спасли»? – начала мисс Филпот. – На первом месте снова констебль Гейнсборо. И неудивительно – у него столько поклонниц!

Дамы единодушно вздохнули.

– А кто на втором, голубушка? Снова Хогарт? – поинтересовалась с дивана миссис Триклбэнк.

Агата Спунер фыркнула из недр своего любимого кресла:

– Нет-с, никак не угадали, дорогая! На втором месте – констебль Вулнер! И моё мнение таково, что он заслуживает и первого места. Гейнсборо уж слишком слащавый. Мужчина должен выглядеть солидно, а не как оперный тенор.

Миссис Триклбэнк неторопливо провела кончиками пальцев по своей вышивке с рождественским пейзажем.

– Ах, к красному мундиру Гейнсборо так подходят его розовые перчатки!

Миссис Спунер в ответ только закатила глаза.

Марта Харрис подняла голову от своей вышивки с пышным букетом роз и, бросив взгляд на мисс Фрэмpton, серьёзно проговорила:

– Право, не знаю. Иногда хочется чего-то другого, чем эти популярные дамские угодники! Ведь наши сердца для них как игрушки... – и она наигранно вздохнула.

Мисс Филпот и миссис Спунер обменялись взглядами.

– Ну-ка, ну-ка, милочка, рассказывайте! – Одетта Филпот улыбнулась. – Неужто вы решили сменить фаворита? А констебль Стивенс уже в курсе?

Харрис возвела очи горе.

– Господь с вами, Одетта, наш союз с господином Стивенсом благословлён на небесах...

Мисс Гриффит-Джонс поперхнулась слюной и возмущённо уставилась на Харрис, но та продолжала как ни в чём ни бывало:

– Однако, – и Марта наставительно подняла палец, – я говорю о том, что иногда склонности нашего сердца даются нам не как благословение, а скорее как проклятие. И господин Гейнсборо – яркий тому пример! Конечно, у него такая статная фигура, широкие плечи, страстный взгляд... – голос миссис Харрис замер мечтательно, но она тут же взяла себя в руки. – Тем не менее, всем известно его непостоянство. Знакомый доктор рассказывал мне, сколько валиума приходится выписывать женщинам, покинутым господином Гейнсборо, и этот список пополняется каждый месяц!

Дамы вздохнули и понимающе переглянулись. Миссис Харрис, вдохновлённая молчаливой поддержкой слушательниц, продолжила:

– Вот я и говорю, что иногда лучше, когда сердце склоняется к мужчине более спокойному, более домашнему... Вроде господина Рейнольдса.

Мисс Фрэмpton громко ойкнула. Оглянувшись на неё

дамам она со смущённой улыбкой показала иголку и палец с выступившей каплей крови. Переведя взгляд обратно на Харрис, миссис Спунер фыркнула:

– Рейнольдс?! Он такой тихоня! Наверное, не знает, с какой стороны подступиться к женщине!

Стрельнув глазами на Элизабет Фрэмpton, вновь увлечённую шитьём, Харрис возразила:

– Иногда я подозреваю, дорогая Агата, – слова «дорогая Агата» она выделила особо, – что вы плохо разбираетесь в мужчинах. Знаете поговорку про тихий омут? В таких мужчинах как раз страсти поболее, чем в некоторых, потому что они не расплывются во все стороны. Вы видели, какой взгляд у господина Рейнольдса, когда кто-нибудь при нём заговаривает о преступниках? Это же чистый огонь! Я думаю, что если бы нашлась женщина, способная пробудить его чувства, он бы смог сделать её очень счастливой.

Мисс Филпот уставилась на миссис Харрис в раздумье, да и остальные притихли.

– Итак, – продолжила Марта, – нам очень повезло, что господин Рейнольдс завтра придёт к нам на игру. Однако я не сомневаюсь, что привлечь внимание такого достойного мужчины сможет только особенная женщина.

Дамы покивали, переглядываясь украдкой.

На следующий день в пансионате уже с утра царила радостная суматоха. Дамы одалживали друг у друга атласные и бархатные ленты, просили совета по укладке волос, обменивались модными журналами. Мисс Филпот во время любых разговоров безостановочно массировала кисти рук, каковым жестом чрезвычайно смущала своих собеседниц. Миссис Триклбэнк утром вышла из своей комнаты с лицом, густо намазанным сметаной, и ходила так несколько часов подряд, пока, наконец, миссис Спунер не напомнила ей о приличиях.

У Марты Харрис, помимо стандартных дамских забот, было ещё одно дело, требующее внимания. Утром после чая, когда на кухне остались только она и Агата Спунер, Харрис упомянула, что у неё совершенно случайно оказались два билета в кино – на сегодняшнюю премьеру нашумевшего детективного фильма.

– Ах, какая жалость! Так повезло получить билеты, но ведь сегодня – игра!..

Миссис Спунер отмахнулась несколько раздражённо.

– Так почему бы вам со Стивенсом не сбежать с этой дурацкой игры в кино?

Харрис бросила на неё взгляд из-под ресниц.

– К сожалению, господин Стивенс терпеть не может кинотеатр! Но... Ведь, кажется, господин Вулнер – большой поклонник детективов? Впрочем, сейчас, когда он попал сразу на второе место списка журнала «Модница», у него, навер-

ное, совсем нет свободного времени... – она сочувственно вздохнула.

Агата уставилась на неё с удивлением.

– Я бы, конечно, позвала его, но... Вы бы отдали нам билеты?

Харрис тепло улыбнулась.

– Конечно, моя милая. Я ведь помню, каково это – быть молодой...

Миссис Спунер фыркнула, но не так самоуверенно, как обычно.

– Дорогая Марта, я младше вас только на четыре года!

Харрис мечтательно подняла глаза на тканевый абажур под потолком.

– Ну, вот и наслаждайтесь этим. Четыре года – это большой срок. При желании за четыре года можно прожить целую жизнь... – она перевела взгляд на миссис Спунер. – И да, я с удовольствием отдам вам билеты. Надеюсь, вечер будет приятным.

И Агата Спунер, против своей обычной манеры, не нашлась, что ответить.

Стивенс, Тёрнер и Рейнольдс прибыли точно к назначенному времени, и сразу после чая игра началась.

Мисс Гриффит-Джонс, поджав губы, села со своей вы-

шивкой в кресло у камина, но все остальные дамы оживлённо кружили вокруг большого стола, рассаживаясь по местам.

Зоркий глаз миссис Харрис мгновенно заметил растерянное лицо мисс Фрэмpton. Марта юркнула к скромнице и, вцепившись в её руку, решительно потянула её к Рейнольдсу, однако в последнюю секунду заметила миссис Триклбэнк, тоже нацелившуюся на место рядом с констеблем. На ротацию с мисс Фрэмpton времени не было, и миссис Харрис была вынуждена приземлиться на стул справа от Рейнольдса самостоятельно, усадив Элизабет по правую руку от себя. Миссис Триклбэнк тут же села слева от Рейнольдса. Глянув на её довольное лицо, Харрис буркнула: «Это мы ещё посмотрим». Пока же игра не началась, Марта обратила улыбку на Стивенса, севшего почти напротив неё и посматривающего на Рейнольдса с явным подозрением.

На первом круге выбыли констебль Тёрнер, мисс Марш и миссис Триклбэнк. Миссис Харрис показалось, что Тёрнер откровенно слил игру, после чего слишком уж торопливо пересел на пустующее место недалеко от камина, но сейчас это её не волновало.

Миссис Триклбэнк не выказала желания куда-либо пересядаться, а только хихикнула и пролепетала:

– О, господин Рейнольдс, вы так хорошо играете!

Харрис раньше не особо интересовалась характером констебля Рейнольдса, но всё же она считала себя проницательной особой. И её проницательность подсказывала ей, что

Рейнольдс далеко не глуп. Марта закусилa губу и со всей ответственностью приняла решение действовать в соответствии с тактикой прямо противоположной, нежели выбранная миссис Триклбэнк.

Мельком глянув в свои карты, миссис Харрис обратила взор на профиль Рейнольдса.

– Вы знаете, господин Рэйнольдс, чем больше я на вас смотрю, тем яснее вижу – у вас очень интересное лицо! Я бы сказала – интеллектуальное. Такие черты! С вас стоит нарисовать портрет! – она вздохнула. – Ах, если бы я умела рисовать... Но постойте, мисс Фрэмптон ведь умеет! Правда, душенька?

Все, включая Рейнольдса, посмотрели на Элизабет Фрэмптон, которая смешалась, но кивнула.

– Не стесняйтесь, милая! Вы замечательно рисуете! – Харрис вернулась к Рейнольдсу. – Она замечательно рисует, я сама видела! Просто даже не хуже Тёрнера!

Стивенс подпрыгнул и обернулся к Тёрнеру.

– Тёрнер! Вы рисуете? Почему я не в курсе?

Констебль оторвал взгляд от вышивки мисс Гриффит-Джонс и выпучился на миссис Харрис, которая лукаво улыбнулась.

– Нет-нет, я говорила об Уильяме Тёрнере...

Выражение лица Тёрнера не изменилось, и Марта неуверенно пробормотала:

– Вас тоже зовут Уильям?..

Голос мисс Гриффит-Джонс мог бы заморозить и айсберг посреди Ледовитого океана.

– Уважаемая Марта, вы что же, не помните имени нашего гостя, который регулярно бывает в нашем доме вот уже пять лет?

Впервые в жизни Марта Харрис прочувствовала, что означает выражение «сгореть со стыда».

Внезапно наэлектризованную тишину разбил звонкий смех мисс Фрэмpton. Все лица повернулись к ней. С лёгкой улыбкой Элизабет воскликнула:

– О боже, я только сейчас обратила внимание на это чудесное совпадение! Не только господин Тёрнер – однофамилец с художником Тёрнером... Ведь и Стивенс, и Рейнольдс – это художники!

Все дамы изумлённо посмотрели на констеблей. Рейнольдс, кажется, не удивился, но вот Стивенс выглядел ошарашенным.

– Художник?! Вот уж не ожидал...

Мисс Фрэмpton лукаво улыбнулась ему.

– О, не беспокойтесь, Фредерик Стивенс успел нарисовать не так много, так что вашей репутации ничто не угрожает!

Рейнольдс взглянул на Элизабет с интересом.

– Мисс Фрэмpton, у нас в отделении есть ещё Хант и Моррис...

На её лице отразилось радостное удивление осознания.

– Да, конечно! И почему я раньше не замечала? Ох, я на-

деюсь, у вас там и Россетти есть! Я бы с удовольствием взяла у него автограф!

– Нет, Россетти нет...

И они засмеялись, глядя друг на друга поверх головы миссис Харрис, которая постаралась сползти со своего стула ещё ниже.

Остальные участники игры растерянно переглянулись, а Марта Харрис наконец-то вздохнула с облегчением, бросила последний настороженный взгляд на Тёрнера, отвернувшегося к мисс Гриффит-Джонс, и произнесла:

– Дамы и господа, давайте вернёмся к игре!

Однако стоило оставшимся игрокам сосредоточиться на картах, как Марта словно бы невзначай обронила:

– Как вы считаете, Элизабет, ведь правда у господина Рейнольдса интересное лицо? Он очень похож на того поэта...

– Джона Китса? – и мисс Фрэмpton тут же густо покраснела.

Миссис Харрис оживилась.

– Да, совершенно верно! Если бы Китс носил форму, был бы точь-в-точь наш констебль Рейнольдс!

Миссис Триклбэнк, до этого сидевшая тихо, вдруг встала:

– Милые дамы, вы совсем засмущаете констебля, сравнивая его с романтическими поэтами! Сначала художники, теперь – поэты... Мне кажется, это не совсем уместно... – она улынулась Рейнольдсу. – Ведь вы, должно быть, не интере-

суетесь подобными глупостями?

Констебль откашлялся.

– Нет, отчего же... На досуге я люблю почитать...

Миссис Харрис победоносно прищурилась на миссис Триклбэнк за его спиной и вернулась к беседе.

– О, это весьма занятно! И что же вы предпочитаете?

Стивенс, потянувшийся за новой картой, услышал вопрос и посмотрел на Рейнольдса с интересом.

– Да, что вы читаете? Я обязан быть в курсе!

Тот смутился.

– Ну, во-первых, конечно, я всегда читаю на ночь должностную инструкцию...

Стивенс удовлетворённо кивнул и уставился в свои карты, потеряв интерес к разговору.

Рейнольдс осторожно перевёл взгляд с него на миссис Харрис и дальше – на мисс Фрэмpton – и продолжил:

– Иногда и поэзию читаю. У Китса есть очень интересные образы, – он улыбнулся уголками губ. – Никогда не думал, что могу быть похож на него.

Мисс Фрэмpton вновь порозовела, но всё же нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

На втором круге выбыли все, кроме миссис Харрис, Рейнольдса и мисс Филпот. Последняя, получив новые карты, фыркнула и раздражённо бросила их на стол, признавая поражение. Оставшись вдвоём с дамой, Рейнольдс начал было поддаваться, но миссис Харрис быстро дала понять, что по-

нимает его задумку и не одобряет её. В итоге после упорной борьбы констебль всё-таки получил заслуженную победу и приз – кофейный торт.

Все, даже мисс Гриффит-Джонс, похлопали, поздравляя его с победой, а Стивенс, посмеиваясь, воскликнул:

– Ох, дорогая миссис Харрис, неужто кто-то превзошёл вас в картах!

Марта протянула Рейнольдсу руку и с достоинством произнесла:

– Конечно, я несколько не сомневалась в справедливости той высокой оценки, которую дают вам некоторые наши дамы, но теперь я и сама вижу, насколько вы умны. И я надеюсь, что в ближайшее время мы не только снова увидим вас в нашей гостиной, но и сможем оценить ваш портрет кисти мисс Фрэмpton.

На последних словах взгляд Рейнольдса скользнул к смущённой Элизабет, а миссис Харрис угрожающе сверкнула глазами на миссис Триклбэнк, маячащую за спиной констебля. Та фыркнула и, взмахнув юбками, удалилась на кухню.

Остаток вечера прошёл весело, и только миссис Триклбэнк, сославшись на головную боль, удалилась к себе. Впрочем, никто не заметил её отсутствия.

Однажды вечером, через пару недель после игры, мис-

сис Харрис сидела в своей комнате и читала сборник стихов Джона Китса. Периодически она одобрительно кивала, поднимала брови или мурлыкала что-то себе под нос. Вдруг её тонкий слух уловил какой-то звук, похожий на тот, с каким открывают окно.

Марта осторожно высунула голову в коридор и прислушалась. Казалось, везде было тихо... Но вдруг словно бы половица скрипнула в одной из комнат.

Неужели у мисс Фрэмpton? Скрестив пальцы на удачу, Марта Харрис подкралась ко второй двери справа и аккуратно приложила ухо. Её тренированный слух без труда различил шорох юбки и лёгкий скрип кровати, а затем ещё один скрип громче – от того, что рядом с первым человеком сел второй, скорее всего, мужчина. Спустя мгновение последовал чуть слышный звук скромного поцелуя и шёпот: «Ах, Эдмунд!»

С широкой улыбкой Марта на цыпочках вернулась в свою комнату, осторожно закрыла дверь изнутри и вернулась к чтению стихов. Что бы мировая гармония делала без помощи миссис Харрис!